

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Осложнение международной обстановки в мире, в Европе в особенности, в 1939 г., невозможность добиться положительных сдвигов в главном для Советского Союза направлении внешней политики – борьбе за коллективную безопасность способствовали тому, что советское правительство, не желая быть вовлеченным в водоворот событий назревающей мировой войны, откликнулось на настойчивые предложения Германии об улучшении двусторонних отношений и согласилось принять в Москве немецкого министра иностранных дел. Планировалось обсудить весь комплекс советско-германских отношений.

Несмотря на неоднократные заявления представителей внешнеполитического ведомства Германии о существующей возможности «договориться по любым вопросам» и готовности Берлина «дать любые гарантии», окончательные договоренности были достигнуты только в ходе визита И. Риббентропа в Москву 23–24 августа 1939 г. По косвенным свидетельствам и

сохранившейся записи члена немецкой делегации А. Хенке, И. Сталин считал необходимым начать переговоры с вопроса о разграничении «сфер интересов». Заместитель статс-секретаря МИД Германии Ф. Гаус в письменных показаниях Нюрнбергскому трибуналу также отметил, что «по сравнению с Пактом о ненападении гораздо больше велись переговоры об особом секретном документе («специальный протокол»)» [2, с. 37]. Протокол был всецело посвящен территориальным разграничениям в Восточной Европе.

Это свидетельствует о том, что территориальный вопрос являлся наиболее важным для советского руководства во всем перечне подлежащих обсуждению проблем. И, очевидно, судьба всех договоренностей всецело зависела от того, насколько полно Советский Союз удовлетворит свои территориальные претензии.

Разграничение «сфер интересов» было наиболее острой частью переговоров. Первоначальное немецкое предложение не совпадало в полной мере с требованиями советского правительства. И. Риббентроп предложил провести разграничительную линию между «сферами влияния» в Польше по рубежу рек Сан, Висла, Буг, Нарев; в Прибалтике по реке Двина, включив, таким образом, в сферу советского влияния восточную часть Латвии, Эстонию и Финляндию. И. Сталин решительно воспротивился этому и потребовал передачи в «сферу интересов» СССР всей Латвии, включая порты Либава (Лиепая) и Виндова (Вентспилс). И. Риббентроп не располагал правом решения подобного вопроса самостоятельно и запросил точку зрения Гитлера. Проходившие ночью переговоры затягивались. Они были продолжены только после получения немецкой делегацией согласия из Берлина на требования Сталина [4, с. 589, 591].

Что касается Бессарабии, то она прямо в советскую «сферу интересов» не попадала. Но в протоколе подчеркивался «интерес СССР к Бессарабии» и «полная политическая незаинтересованность к этому вопросу Германии» [3, с. 632].

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол не устанавливал советско-германскую границу. Он определял лишь разграничительную линию между «сферами интересов». Открытым оставался вопрос и о том, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства». Этот вопрос, а также возможные границы данного государства, СССР и Германия намеревались решить в будущем, «в течение дальнейшего политического развития» [3, с. 632]. К концу сентября для правительств обеих стран «стала ближе идея четкого раздела Польши».

В начале польской кампании Гитлер, очевидно с целью успокоить общественное мнение западных стран, нейтрализовать, или смягчить позицию их правительств, не исключал сохранения в своей зоне оккупации некоего марионеточного Польского государства. 12 сентября И. Риббентроп сообщил об этом руководителю Абвера адмиралу В. Канарису как о «наиболее симпатичном для фюрера решении» [10, с. 58].

Сталин свою точку зрения на польский вопрос высказал в беседе с генеральным секретарем исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г.: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население» [10, с. 51].

Взгляды Гитлера также быстро изменились. 19 сентября, выступая в Данциге, он заявил: «Польша в том виде, какой ей придал Версальский договор, никогда уже больше не возродится! Это в конечном счете непременно гарантирует не только Германия, но и Россия» [10, с. 54].

22 сентября 1939 г. была установлена демаркационная линия между немецкой армией и РККА, которая прошла по рекам Плиса – Нарев – Буг – Висла – Сан, что фактически закрепляло разделение польской территории [4, с. 624].

При подписании договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г. в секретном дополнительном протоколе было определено, что «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР» [3, с. 632].

В ходе начавшей Второй мировой войны, когда немецкие войска быстро продвигались вглубь Польши, 20 сентября 1939 г. В. М. Молотов, как свидетельствуют немецкие источники, в беседе с послом Германии в Москве Ф. Шуленбургом предложил обсудить «судьбу польского государства», а 25 сентября поставил вопрос об изменении границы «сфер интересов» с целью обмена Восточной Польши на Литву. Гитлер согласился, но в ходе последующих переговоров использовал это обстоятельство для того, чтобы добиться от Советского Союза более масштабных поставок столь необходимого для Германии сырья, в котором она остро нуждалась из-за проводимой Англией блокады немецких портов.

Как отмечается в некоторых российских исследованиях, с конца августа и весь сентябрь 1939 г. готовность высшего руководства Третьего рейха к уступкам Кремлю была наибольшей. Это обуславливалось как военно-стратегическими, так и политическими соображениями, а также задачами, вставшими перед немцами в ходе польской кампании [3, с. 49].

Обсуждение территориальных вопросов началось уже в первый день второго визита германского министра иностранных дел в Москву, 27 сентября 1939 г. Вместе с И. Риббентропом находился посол Германии в СССР Ф. Шуленбург. Переговоры велись с высшими руководителями Советского Союза И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. На них присутствовал также советский посол в Берлине А. А. Шкварцев.

На атмосферу переговоров накладывали свой отпечаток советско-германские договоренности от 23 августа, явная заинтересованность сторон в налаживающемся сотрудничестве. Это обстоятельство проявлялось хотя бы в том, что даже при наличии острых разногласий по какому-либо вопросу стороны пытались достичь приемлемого компромисса. В этом плане особой

гибкостью отличалась позиция Германии. И это не удивительно, если учесть, что немецкая делегация стремилась вместе с территориальными решить и многие другие важные для себя задачи: добиться максимально возможных поставок советского сырья, облегчения транзита через советскую территорию грузов со стран Дальнего Востока, Ирана и Афганистана, предоставления мурманской гавани для ремонта немецких подводных лодок и крейсеров.

Пространное выступление И. Риббентропа началось с анализа событий в войне против Англии и Франции. После этого он сформулировал три вопроса, являвшихся целью его приезда в Польшу:

1. Дальнейшее формирование германо-советских отношений;
2. Вопрос окончательного начертания границы;
3. Проблема Прибалтики.

Главной целью немецкой дипломатии по первому вопросу было добиться согласия Советского Союза на заключение и предание гласности совместного заявления о долговременном сотрудничестве, о тождественности их точек зрения в принципиальных вопросах внешней политики. Риббентроп заявил, что «настоящий враг Германии – Англия», а поэтому речь шла прежде всего о германо-советском сотрудничестве против этой страны [4, с. 606–608].

Военный разгром польского государства привел к появлению в Восточной Европе новой геополитической реальности – общей протяженной границы между СССР и Германией. На переговорах предстояло определить линию ее конкретного прохождения. Каждой из сторон оговаривались условия с максимальной степенью учета своих интересов. Вопросы проведения линии границы лежали именно в этой плоскости, а поэтому, касаясь территориальных проблем, И. Риббентроп заявил, что «советские предложения (передача Германии Люблинского и части Варшавского воеводств) не содержат достаточного эквивалента за отказ Германии от Литвы или ее части». При этом он провел на карте линию, которую считал более приемлемой. Эта линия должна была проходить от самой южной оконечности Литвы до Балтийского моря, а именно через всю Литву, восточнее Ковно. Далее новую границу министр предлагал провести восточнее Гродно, включая Белосток. «Затем следует найти приемлемое соединение с линией Буга». Риббентроп выдвигал свои предложения в качестве вопроса для обсуждения в дальнейшей дискуссии, еще раз подчеркнув, что «предложение Сталина не является для нас достаточным эквивалентом за отказ в отношении Литвы» [4, с. 609].

Анализируя документы внешнеполитических ведомств СССР и Германии, можно с уверенностью сказать, что в Берлине накануне московских переговоров были проработаны различные позиции, которые могла занимать немецкая сторона. И в данном случае, будучи готовым к уступкам, И. Риббентроп сознательно обострял ситуацию, чтобы последующее согласие выглядело более ценным в глазах советского руководства.

Тем не менее, после выступления немецкого министра иностранных дел на переговорах возникла ситуация, требующая оглашения определенных аргументов с советской стороны. Сталин обратился к Молотову с вопросом, кто из них будет отвечать. Молотов сказал, что, по его мнению, он, Сталин, «безусловно сделает это лучше» [4, с. 609].

Ответ И. В. Сталина был весьма пространным. Он говорил о традициях взаимовыгодных советско-германских отношений, заложенных еще Рапалльским договором, о том, что «советское правительство в своей исторической концепции никогда не исключало добрых отношений с Германией» и что в настоящее время «это сотрудничество представляет собой такую силу, что перед ней должны отступить все другие комбинации» [4, с. 609]. Определяя отношение советского правительства к комплексу вопросов, связанных с Великобританией, Сталин заявил, что большевики «никогда не имели симпатий к Англии». Отмечая приоритетное значение для СССР сотрудничества с Германией, он подчеркнул, что «...если, вопреки ожиданиям, Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю» [4, с. 610].

Раскрывая точку зрения советского правительства на территориальный вопрос, И. Сталин напомнил, что первоначальные советско-германские договоренности от 23 августа предусматривали возможность сохранения самостоятельного польского государства, хотя и на значительно урезанной территории. Но от этой идеи правительства СССР и Германии отказались под предлогом, что такое государство будет представлять собой постоянный очаг беспокойства в Европе и источник противоречий между СССР и Германией. Оставался раздел Польши. Но и здесь, по мнению Сталина, не все так однозначно. В случае прохождения окончательной советско-германской границы по рекам Тиса, Нарев, Буг, Висла, Сан, как это значилось в протоколе от 23 августа, возникли бы большие неудобства. Сталин усматривал их в появлении отрицательных последствий различных решений двух держав – СССР и Германии, вытекающие из-за различия их социально-экономических и политических систем, по отношению к подконтрольным польским территориям, как-то, говорил советский руководитель, образование Германией протектората в привислинских землях, а Советским Союзом автономной польской социалистической республики. Такая ситуация могла бы дать полякам нежелательный повод для постановки вопроса о восстановлении самостоятельного государства.

Из этих соображений, отмечал Сталин, советское правительство пришло к выводу, что наиболее целесообразным было бы оставить этнографические польские земли в одних руках, а именно в немецких, где Германия могла бы действовать по собственному усмотрению. Именно по этой причине СССР и инициировал вопрос об уточнении «сфер интересов», в том числе и о проведении границы между СССР и Германией не по Висле, а по Бугу. Включение в советскую «сферу интересов» Литвы являлось своего рода

компенсацией за передачу Германии восточно-польских земель – Люблинского и части Варшавского воеводств. При этом Сталин категорически отверг заявления Риббентропа о недостаточной компенсации, так как на отходящей к Германии территории проживало не менее 4 миллионов человек, а в Литве – меньше 2 миллионов. «Германия сделает хороший гешефт, – заявил Сталин, – потому что люди – это самое важное, что можно было бы получить» [4, с. 605–606, 611].

Немецкие пожелания об изменении линии границы в Карпатах, по верхнему течению реки Сан Сталин решительно отклонил, дав понять, что территориальные уступки в этом районе исключены. Он заявил, что эта территория уже обещана Украине. «Украинцы – чертовские националисты, и они никогда не откажутся от этой территории. Моя рука никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву». В качестве компромисса Сталин предложил Германии поставки нефти объемом до 500 тыс. тонн в год из западноукраинских и других советских месторождений [4, с. 610].

Не удалось Риббентропу добиться и удовлетворения немецких претензий на земли севернее Буга и в Литве. Сталин и Молотов согласились только на передачу Германии небольшого выступа с городом Сувалки между Восточной Пруссией и Литвой и северным массивом августовских лесов [4, с. 611].

Первая часть переговоров началась 27 сентября и длилась 3 часа. В позициях сторон имелись существенные расхождения. Риббентроп заявил, что он обо всем проинформирует Гитлера и с учетом его мнения, во время следующей встречи, внесет компромиссные предложения.

Очередная встреча началась 28 сентября в 15 часов. Перед этим И. Риббентроп послал подробное телеграфное донесение в Берлин, после чего имел телефонный разговор с Гитлером. На встрече же с советскими руководителями он заявил, что Гитлер проанализировал предложения Сталина и присоединяется к нему. «...Фюрер принципиально согласен с принятием так называемого второго варианта, однако с некоторыми небольшими выпрямлениями», которые он, Риббентроп, готов показать Сталину и Молотову на карте [4, с. 612].

Таким образом, препятствия к началу процесса делимитации советско-германской границы были устранены. Обсуждение линии ее окончательного начертания, как явствует из отчета присутствовавшего на переговорах советника германского посольства в Москве Г. Хильгера, «происходило в весьма дружественной атмосфере». Но, несмотря на это, «обе стороны отстаивали свои позиции». При этом по менее значительным вопросам достигались компромиссные решения. Особенно долго длилась дискуссия вокруг судьбы города Перемышль. Река Сан разделяла его на две части. Южная находилась на советской территории, северная отходила к Германии. Попытка Риббентропа склонить Сталина и Молотова оставить за немецкой стороной весь город не привела к успеху. Советские руководители не согласились отходить от ранее достигнутых договоренностей о границе по реке Сан [4, с. 612].

И. Сталин в ходе переговоров твердо отстаивал интересы СССР при согласовании новой государственной границы страны. Вместе с тем его жесткая позиция была сопряжена и со значительной гибкостью. Он, например, готов был пойти навстречу Германии в ряде других вопросов: увеличении поставок сырья, что было важно для Германии в условиях осуществлявшейся Англией блокады, предоставлении в районе Мурманска ремонтной базы для немецких подводных лодок и вспомогательных крейсеров, проводке советскими ледоколами немецкого крейсера северным морским путем в Тихий океан. Выражалась также готовность тесного сотрудничества с рейхом в совместной борьбе против западных держав [10, с. 55].

Договоренности, достигнутые 27–28 сентября были конкретизированы в подписанном 4 октября 1939 г. дополнительном протоколе, содержащем подробное описание линии советско-германской границы [4, с. 154–157].

8 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о демаркации границы. Общее руководство этим процессом возлагалось на специально создаваемую для этого Центральную смешанную советско-германскую Пограничную комиссию. Ее постоянным местом пребывания была Москва. Комиссия состояла из 8 человек – по 4 представителя от каждой из сторон. Советским сопредседателем комиссии был заведующий Центрально-европейским отделом НКВД А. М. Александров. В состав Комиссии вошли два представителя Генерального штаба РККА В. П. Александров и В. Д. Иванов и офицер Погранвойск НКВД А. М. Леонтьев. 14 ноября СНК СССР утвердил детальную инструкцию советской делегации в смешанной комиссии. Немецким сопредседателем комиссии был помощник статс-секретаря министерства иностранных дел А. Генке. Конкретная работа на местности возлагалась на 6 подкомиссий, включавших по 3 представителя от каждой стороны.

В решении Политбюро значилось, что оформление материалов демаркации должно быть закончено в кратчайший срок, но не позднее 31 марта 1940 г. [4, с. 221–222, 268–270, 350]. Но впоследствии эти сроки были сдвинуты на конец мая 1940 г., так как осенне-зимний период сильно затруднял производство топографических съемок [4, с. 291].

Но подписанные договоры не устраняли всех противоречий. Вопросы уточнения и небольших изменений линии границы на отдельных ее участках стали подниматься после подписания договора 28 сентября, когда стороны начали детально анализировать его результаты. Это продолжалось несмотря на высказанное В. М. Молотовым 13 ноября 1939 г. пожелание считать границу окончательно установленной и не поднимать больше никаких вопросов по ее изменению [4, с. 286; 1, с. 272].

Перемены предлагались с обеих сторон. Согласно секретному дополнительному протоколу, подписанному 28 сентября 1939 г. в процессе заключения германо-советского договора о дружбе и границе, территория литовского государства включалась в «сферу интересов» СССР, в обмен на передачу Германии Люблинского и части Варшавского воеводств. При этом

новая германо-литовская граница проводилась таким образом, что часть литовской территории, находящейся к юго-западу от линии прохождения новой границы, так называемый «Мариампольский выступ», отходила к Германии [4, с. 136, 606]. В секретном протоколе было сказано, что германо-литовская граница исправляется таким образом «с целью естественного и простого проведения границы» [4, с. 136]. В то время по этому вопросу было достигнуто согласие между Москвой и Берлином. 8 октября 1939 г. германский посол в СССР Ф. Шуленбург в записке на имя В. М. Молотова просит последнего подтвердить согласие в том, что за Германией остается право «определить момент осуществления уговора относительно перехода вышеупомянутой литовской территории к Германии» [4, с. 617]. Советский Союз против этого не возражал.

В начале 1941 г. в завершающую стадию вступила подготовка пяти важных советско-германских договоров и соглашений – соглашения о взаимных товарных поставках на второй договорной период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г., договора о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря, соглашения об урегулировании взаимных имущественных претензий, относящихся к Литве, Латвии и Эстонии, а также двух соглашений гуманитарного характера, которые касались вопросов взаимного переселения: германских граждан и лиц немецкой национальности из Литвы, Латвии и Эстонии в Германию, а литовских граждан и лиц литовской, русской и белорусской национальностей из Германии (бывшей Мемельской и Сувалкской областей) в Литовскую ССР.

Некоторую дискуссию вызвал вопрос о судьбе, как это было отражено во внешнеполитических документах, «кусочка территории Литвы», т.е. Мариампольского выступа.

Вопрос об уступке этой территории Советскому Союзу был впервые поднят еще 13 июля 1940 г. Принимая германского посла, нарком иностранных дел В. М. Молотов сообщил ему, что Советское правительство полностью подтверждает формальные права Германии на ту территорию Литвы, о которой сделана соответствующая оговорка в протоколе от 28 сентября. «Но тем не менее тов. Сталин и тов. Молотов просят германское правительство пересмотреть этот вопрос, то есть просят германское правительство обсудить, не может ли оно найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы». Молотов отмечал, что в этом случае удастся избежать целого ряда трудностей, как например, переселения литовцев с этой территории, а они там составляют большинство, в Литву. Нарком напомнил, что в свое время советское правительство не возражало против решения в пользу Германии вопроса о Сувалкской области. «Разрешение этого вопроса Германией, в соответствии с просьбой Советского правительства, – подчеркнул В. М. Молотов, – имеет для него при теперешних отношениях СССР с Литвой особый политический интерес» [5, с. 434].

Озадаченность Советского правительства станет ясной, если вспомнить какого рода события в июне – июле 1940 г. происходили в государствах

Прибалтики. Решались вопросы о вступлении этих республик в состав СССР. В этих условиях согласие советского правительства на передачу Германии даже небольшого участка территории еще недавно независимого литовского государства имело бы явно негативный отклик даже в советской Литве.

В ответе из Берлина, полученном 9 сентября, значилось, что в принципе немецкое правительство согласно уступить интересующую Советский Союз территорию, но Германию не устраивала предложенная форма компенсации и она подготавливала свои предложения [9, с. 585].

12 августа 1940 г. В. М. Молотов принял Ф. Шуленбурга и вручил ему памятную записку, где сообщалось о неприемлемости для советской стороны территориальной компенсации. СССР только выражал готовность осуществить компенсацию в денежном выражении. При этом оговоренная сумма должна была вноситься в течение двух лет равными частями [7, с. 820; 6, с. 273].

Переговоры по территориальному вопросу были длительными и сложными. Следует отметить, что велись они параллельно с определением условий хозяйственного соглашения, в заключении которого Германия была очень заинтересована. Это обстоятельство усиливало позиции советской стороны. Советский Союз считал возможным решить вопрос только путем материальной компенсации. 2 января 1941 г. В. М. Молотов заявил германской стороне, что советское правительство согласно увеличить сумму компенсации в два раза [6, с. 273].

Окончательно спорный вопрос был урегулирован только 9 января 1941 г., буквально накануне подписания договора о советско-германской границе. Секретный протокол был подписан 10 января Ф. Шуленбургом и В. Молотовым от имени своих правительств. По этому соглашению Германия отказывалась от своих притязаний на полосу литовской территории, упомянутой в секретном дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 г., а Советский Союз уплачивал ей за это 7 500 000 золотых долларов (31 500 000 марок). Одна восьмая часть этой суммы (3 937 000 марок) обеспечивалась поставками цветных металлов в течение трех месяцев с момента подписания протокола, а остальная часть (27 562 500 марок) – золотом, которое высчитывалось из суммы германских платежей золотом Советскому Союзу, которые должны были быть произведены к 11 февраля 1941 г. [7, с. 820, 821].

О том, на каких условиях было достигнуто соглашение о возвращении Советскому Союзу участка литовской территории, так называемого «Мариампольского выступа», стороны договорились в печати не сообщать [6, с. 280].

Урегулирование всех спорных проблем дало возможность 10 января 1941 г. подписать в Москве В. Молотовым и Ф. Шуленбургом договор о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря. Договор подписывался в связи с состоявшимся 3 августа 1940 г. принятием Литовской ССР в состав Советского Союза [6, с. 302].

Характеризуя процесс решения СССР и Германией территориального вопроса в Восточной Европе следует отметить, что он был не совместим с нормами международного права. Международному праву противоречит и упоминание в преамбуле договора от 28 сентября 1939 г. о распаде бывшего Польского государства, ибо военная оккупация не ликвидирует государство как субъект международного права. И несмотря на то, что на землях, которые отходили к Советскому Союзу, проживало украинское и белорусское население, как и в соответствующих советских республиках, договор был реализован путем применения силы против Польши, а поэтому он с самого начала являлся недействительным, как нарушающий императивную норму международного права. Таковым он и был признан, хотя и косвенно, в соглашении между правительствами СССР и Польской республики 30 июня 1941 г. о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР, где говорилось: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу» [8, с. 200; 9, с. 107].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия: 1933–1941. – М., 2009. – 368 с.
2. *Гинцберг, Л. И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация / Л. И. Гинцберг // Отечественная история. – 1996. – № 3. – С. 29–40.
3. Документы внешней политики СССР. 1939. – Т. XXII: в 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1992. – Кн. 1: Январь – август. – 712 с.
4. Документы внешней политики. 1939. – Т. XXII: в 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1992. – Кн. 2: Сентябрь – декабрь. – 688 с.
5. Документы внешней политики. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. XXIII. – Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. – 752 с.
6. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – Т. XXIII: в 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Кн. 2, ч. 1: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – 448 с.
7. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – Т. XXIII: В 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Кн. 2, ч. 2: 2 марта 1941 – 22 июня 1941. – 448 с.
8. Документы внешней политики. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. XXIV: 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. – 632 с.
9. *Мюллерсон, Р. А.* Советско-германские договоры 1939 г. в аспекте международного права / Р. А. Мюллерсон // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 105–109.
10. *Случ, С. З.* Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну / С. З. Случ // Отечественная история. – 2000. – № 5. – С. 46–58.